ИСКУССТВО НА ЗАДВОРКАХ

НЕДАВНО в Конгрессе Соединенных Штатов Америки был поднят вопрос о выделении миллиардной суммы на создание Федерального консультативного совета по вопросам искусства. Законопроект вызвал бурю дебатов. Конгрессмен Смит заявил в начале представления:

— Каждый, кто хоть что-нибудь может знать об этом, я спрашивал: что такое искусство? И вот в чем мое невежество — я не знаю, что к нему относится. Что это такое? Я полагаю, что скрипачи имеют отношение к искусству. Говорят, что играть в шахер — это большое искусство. Так что же, этот закон предусматривает субсидирование игроков в шахер, плавающих в беду?

Так конгрессмен Смит решительно высказался против ассигнования хотя бы одного цента на развитие культуры и искусства в Соединенных Штатах.

За время пребывания в США я посетил несколько бродвейских театров, посмотрел театральные новинки сезона, беседовал с артистами и режиссерами и не встретил ни одного мыслящего человека, который не был бы встревожен судьбой американского театра.

Обилие театров в Нью-Йорке не вызывает сомнения. Театры возникают на месяц, на год, на два. Потом, не выдержав конкуренции со стороны соседей, навечно опускают занавес. Зал арендует новый меценат, заново набирается труппа, заново готовится постановка, шумно рекламируемая, как лучшая в сезоне. Выдержав несколько спектаклей в полупустом зале, труппа расходуется в поисках случайного заработка.

Американский театр — тоже бизнес. Судьба его решается не на театральных подмостках, а в кассе. Здесь верховодит доллар. И от него зависит все — талант, творчество, поиск. В заткнутой атмосфере разложения, царящего в американском театральном центре на Бродвее, чахнут и умирают творческие начинания многих талантливых режиссеров и артистов, ибо они напряженно привязаны своими хозяевами к идее о убогим пьесам реакционных драматургов.

Пагубные увлечения формой в ущерб содержанию особенно разрушительно действуют на классику. Я смотрел на Бродвее спектакль «Три сестры» (постановка Мак Клинтыка). Трудно было узнать чеховских героев. Исполнительница роли Ольги — Андерсон имела почти веничную выправку; она играла «истинную» дочь своего «отца-генерала». Роль Наташи исполняла актриса легкого водеvilного типа...

Впрочем, классический репертуар — редкость на нью-йоркской сцене. Здесь предпочитают пьесы иного характера.

Американскому зрителю надоели «черные фильмы», теле-

передачи, спектакли, смакующие ужасы, творимые «красными комиссарами». Бродвейские театры перестраиваются на ходу. Приходится слабить антиэстетскую клевету изрядной долей эротики, помпезностью постановки, головокружительными эффектами. Но опять кустуют зилы. И опять театры находят выход: значит, надо поиграть на неудачах в жизни человека, трудностях, встающих на его пути. И спектакль «Калигула» Альбера Камю, поставленный в одном из бродвейских театров,

ДВА МИРА — ДВЕ ИДЕОЛОГИИ

утверждает бессмысленность бытия и обреченность современной цивилизации. Пьеса дьявит ненавистью, злобой к людям и вызывает у зрителей только ужас.

Поток грязи, пошлости, разнузданной клеветы на Человека преподносится молодому американцу, как «последнее достижение в области искусства». Подросток-американец прикован к экрану телевизора, где ежесекундно демонстрируются похождения гангстеров, убийц, предателей, педофилей.

Как кошмарный сон вспоминаются мне фильмы-ужасы, рекламируемые, примерно, так: «За десять дней демонстрации этой картины 12 человек умерли от разрыва сердца, 25 — отвезены в сумасшедший дом».

Молодежь систематически отражается ядом аморальной социальной системы, где атрофированы элементарные человеческие представления об этике, долге, дружбе, любви. Свежо и современно звучат и в наши дни слова Максима Горького о том, что буржуазия, «предчувствуя близкую смену позиций народу, стремится привить ему все болезни своей души и тела».

Но есть и другая Америка. Америка думающая, ищущая, протестующая.

Во время одного из спектаклей на Бродвее за кулисами стало известно, что в зале сидит советский артист. Не успев закончиться спектакль, как меня окружала группа артистов. Грессам Холл, исполнительница главной роли, попросила меня поужинать с ее товарищами в одном из ближайших баров. Через полчаса мы сидели за столиками. Американских артистов интересовало все — система обучения творческой молодежи в нашей стране, репертуар советского театра, возможности артиста «быть избранным в правительстве и защищать интересы своих коллег... С удивлением слушали они мой рассказ о том,

что в Советском Союзе все без исключения театры имеют постоянные труппы, что заслуга артиста, художника, композитора высоко оцениваются нашим правительством, что выдающимся творческим работникам присуждаются звания заслуженного народного артиста, что писатель, художник, музыкант, артист может быть избран в Верховный Совет республики, страны...

Большинство моих американских коллег назвало себя учениками Станиславского. Мне пришлось напомнить им известную мысль К. С. Станиславского: «Никогда не забывайте, что театр живет не блеском огней, роскошью декораций и костюмов, эффектными мизансценами, а идеями драматурга. Изъян в идее пьесы нельзя ничем закрыть. Никакая театральная мишура не поможет».

Мои соседи переглянулись. — Я мечтаю о настоящей роли, — тихо проговорила Бетти Миллер. — Я мечтаю играть в настоящем театре для настоящего зрителя. У нас это нельзя. Я делаю лишь то, что требуют от меня. То, что мы делаем, противоречит Станиславскому. Но нужно зарабатывать на жизнь. Каждый из нас отлично знает, что такое безработица...

Мы много говорили о театре, о необходимости правдивого и честного отображения жизни в искусстве. Американские артисты с восторгом и благоговением рассказывали о гастролях Большого театра, о фильмах «Баллада о солдате» и «Летят журавли», телеспектакле «Война и мир» Прокофьева, танцевальном самбле Моисеева, в концертах Эмиля Гилельса, Давида Ойстраха, Святослава Рихтера, Мстислава Ростроповича... С удовольствием слушал я похвалу американских коллег в адрес наших соотечественников — Зары Долухановой, Арама Хачатуряна, Павла Лисициана.

— В Советском Союзе искренне преданы художественным идеалам. — говорила Брук Роджерс. — У вас беззаветно любят красоту. У вас уважают творческую профессию.

Мы засиделись в баре далеко за полночь. Я попрощался с друзьями и вернулся в отель. Не спалось.

Я вспомнил слова Ленина, обращенные к деятелям буржуазного искусства:

— Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза...

И. ГРИКУРОВ,

заслуженный артист Армянской ССР.